

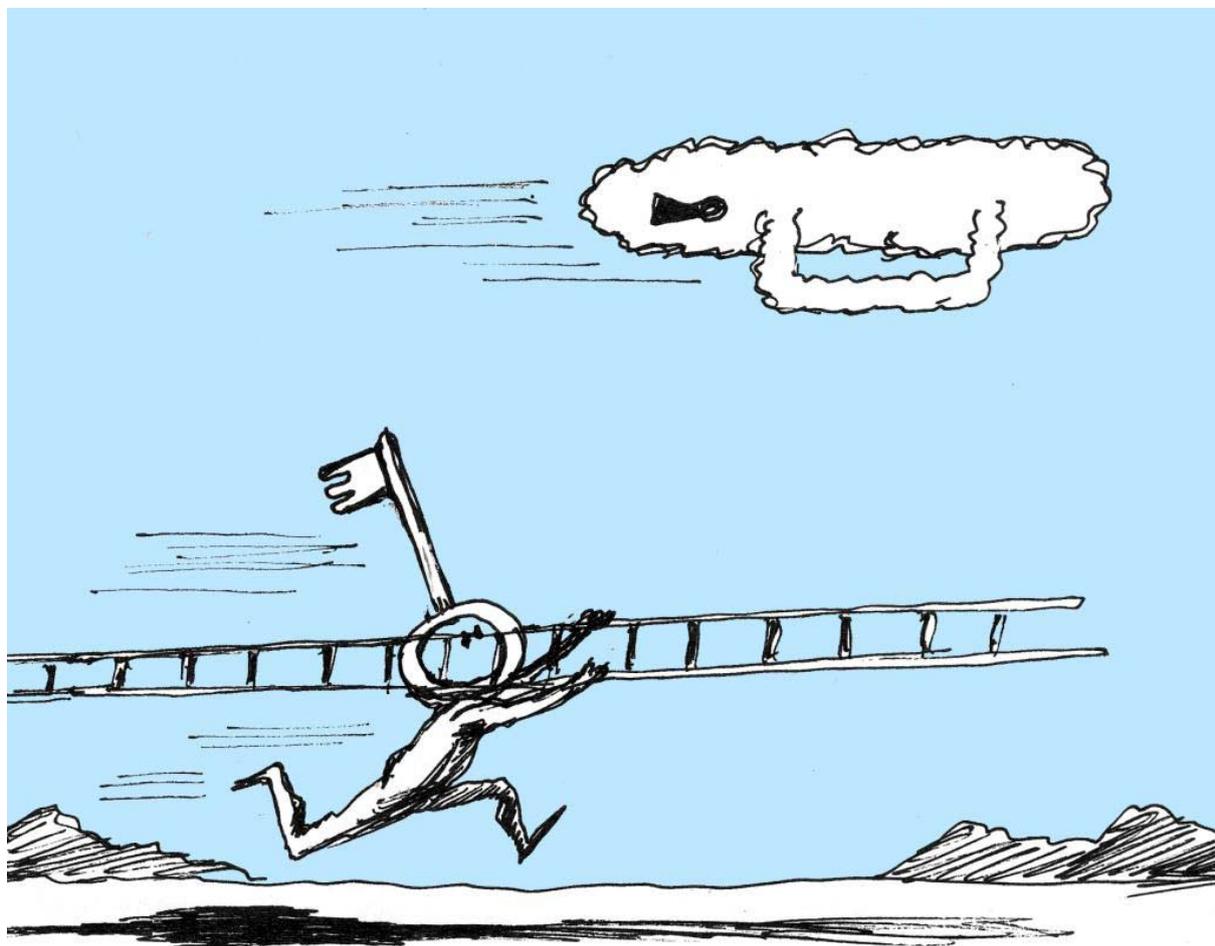
ЗАМОК ДЛЯ ЛОДКИ

Владимир Герасимов

gerasimovvladimir@gmail.com

впервые опубликовано на сайте

<http://subscribe.ru/archive/psychology.zeland/200810/03170758.html>

Vbogorad

Рисунок Виктора Богорада

После третьего курса института, в 1966 году, я приехал на летние каникулы в деревню к родителям. На второй или третий день они предложили выбраться вместе на прогулку. Отец с мамой всегда, сколько их помню, любили ходить в лес, не обязательно за грибами или ягодами, а просто так. Мне тоже нравилось бродить по сосновому лесу. Но больше я любил извилистую, густо заросшую камышом и водорослями речку Турию. В 6-м – 8-м классах я проводил на ней все свое свободное время, позже начали отвлекать уже всякие другие дела.

Особенно нравилось мне подняться на утлой плоскодонке на несколько километров вверх по течению и попасть в лес. Кое-где он подступал к самой воде, в других местах уходил дальше. Вволю там побродив, я потом медленно плыл вниз по течению, которое само несло лодку. Приходилось только изредка, на больших плесах, помогать ему длинным веслом.

Лес и речка всегда действовали на меня завораживающе, вызывая одновременно ощущение душевного спокойствия и еле-еле ощутимой внутренней дрожи. В общем, какие-то древнеязыческие чувства, назвать правильно которые не берусь.

По дороге мы заглянули в гости к нашей доброй знакомой, моей бывшей однокласснице Наде. В раннем детстве она повредила ногу, врачей в деревне отродясь не было, поэтому она ходила с трудом, сильно хромая. Из-за этого и в школу пошла на несколько лет позже своих сверстников.

Надя вышла к нам с опухшим от слез лицом. По случаю праздничного дня отец-инвалид (он потерял ногу на фронте) пришел домой пьяным и, прежде чем уснуть, устроил обычный скандал. Мои родители как могли опекали Надю. Бывало, что она оставалась у них ночевать, чтобы только не возвращаться домой, часто они ходили на прогулки вместе. Обычно Надя потихоньку доходила до леса, но в этот раз нога разболелась сильнее, и она отказалась идти с нами.

Я вспомнил про лодку и предложил добраться до леса вплавь. Надя обрадовалась, повеселела, но когда мы спустились к речке (от ее дома это не больше двухсот метров), свободных лодок не оказалось. Это и понятно – на дворе было тепло и солнечно, народ отправился на рыбалку. Впрочем, одна лодка все-таки нашлась, но она была намертво прикована к столбу толстой цепью с большим замком.

Надя объяснила, что это лодка их соседа, но он такой скупой, что нипочем ее не даст. Тогда мама предложила – давайте подойдем к нему все вместе и попросим, объяснив, что мы с лодкой ничего плохого не сделаем. Только сплываем к лесу и к вечеру вернем ее обратно. Получилось все, как и предполагала Надя. Сосед молча угрюмо смотрел на нас, и на его лице было написано дремучее нежелание давать лодку. Но мама его так просила, что он нехотя уступил. Кроме того, я думаю, подействовало то, что мы подошли вместе, а также и то, что отец был учителем у кого-то из его детей. Мне одному, я это прекрасно чувствовал, он лодку не дал бы никогда и ни за что.

Открыв замок большим ключом необычной формы, он объяснил мне как им нужно пользоваться. Потом сказал, что такого замка нету больше ни у кого во всей округе. Что любой другой замок можно открыть гвоздем, а этот без ключа открыть просто невозможно. Судя по внешнему виду, замок действительно был изготовлен еще задолго до войны. Хозяин дважды напомнил мне, чтобы я его берег, и я пообещал.

Мы с Надей плыли в лодке, а родители шли по берегу, поджидая нас в тех местах, где речка особенно петляла. Уже в лесу я свернул в боковую притоку, старую мелиорационную канаву, и поднялся по ней на несколько сотен метров. Лодку я вытащил на берег, чтобы не уплыла. Ключ вставил в замок, зацепил его дужкой за цепь, засунул все это под сиденье на корме и прикрыл несколькими сломанными ветками. Забрать замок с собой мне в голову не пришло. Возможно потому, что был он довольно-таки увесистым.

После этого мы часа два не торопясь побродили по лесу. Было солнечно, но не жарко. Ни ягод, ни грибов мы не нашли, видимо, еще пора не наступила, но удовольствие от прогулки получили большое. В лесу мы были не одни – в какой-то момент нам встретилась ватага мальчишек-подростков, по внешнему виду совершенно ошалевших от густых лесных запахов. Они перекрикивались друг с другом дикими голосами «под Тарзана». Человек восемь-десять, не меньше...

Когда мы вернулись к лодке, ее на месте не оказалось. Я бросился вниз по течению и нашел ее на повороте канавы, перед самым выходом в речку. Если бы не этот поворот, все могло быть значительно хуже. Речка в это время была полноводной, обнаружить лодку было бы очень трудно. В моей практике такие случаи раньше уже бывали, и даже вспоминать их не хочется. А тут у меня, что называется, от сердца отлегло. Но ненадолго – когда я подошел ближе, то увидел, что веток под сиденьем нету, а толстая цепь свисает за борт. Я потянул ее вверх и обмер – замка на ней не было. В лодке его тоже не было. Постепенно, по следам на траве и влажной земле ситуацию удалось немного прояснить. Ватага подошла к канаве (или двигалась по берегу вдоль нее) и обнаружила лодку. Весло я предусмотрительно спрятал подальше в кустах, и они его не нашли. Кто-то из пацанов перешел канаву вброд, глубина здесь была не очень большая, но дно сплошь затянато вязким болотным илом. Он столкнул лодку на воду, развернул ее поперек канавы и превратил в мостик между двумя берегами. По нему перешли все остальные, уже не снимая штанов.

Что было потом? По-видимому, они слабо вытащили лодку на берег, либо вообще не стали себя этим утруждать, и ее снесло вниз по течению. Не исключено, что перед тем как оставить лодку, на ней немного покатались... Что случилось с замком, было совсем не ясно. Унесли с собой, ведь я его не закрыл? Уронили в воду? Если уронили, то где именно? Может быть, бросили в траву? Оба берега заросли пучками осоки в колено высотой. Влажная торфяная земля между этими пучками была сильно затоптана на большой площади и определить то место, куда я вытаскивал лодку, было нельзя даже приблизительно.

Несколько раз я прошел полсотни шагов туда и обратно по обоим берегам, руками раздвигая жесткую режущую траву и пытаюсь в ней что-то разглядеть. Все мне активно помогали, но ни замка, ни ключа мы не нашли. Солнце уже давно опустилось за деревья, из-за кустов начал выползать белесый вечерний туман и даже на близком расстоянии было совсем плохо видно. Стало совершенно очевидно, что пора прекращать это бессмысленное занятие. Я по очереди перевез своих спутников на другой берег реки и попросил их посидеть немного на бугорке. Здесь, на открытой местности, было слегка посветлее. Сам я вернулся в канаву.

Появиться перед скрягой-хозяином без замка и ключа я не мог. Если бы замок был стандартным, я купил бы другой, лучше старого, или просто заплатил бы хозяину деньги (не хватило бы остатков моей стипендии – отец помог бы). Но здесь это было невозможно. Получалось, что я своим легкомыслием (почему не закрепил замок на цепи как следует? почему не унес ключ с собой? наконец, почему не спрятал его в кустах вместе с веслом?) подвел Надю. Сосед ее теперь затретирует. Она еще в самом начале не хотела брать лодку у него, говорила: «Если что-то случится, он мне проходу не даст», но мы ее уговорили. Подвел маму, ведь она гарантировала, что все будет в полном порядке. Подвел отца. У меня было тоскливое ощущение, что я сижу на дне глубокого ущелья, а на голову вот-вот посыплются тяжелые глыбы...

Я подплыл к затоптанному месту, снял рубаху, сел на дно лодки и наклонил ее так, что она почти зачерпывала бортом воду. Потом стал шарить рукой в этой воде. Сейчас я бы сказал: «начал искать черную кошку в темной комнате...», но тогда я вообще ни о чем таком не думал. Все заслонила одна единственная мысль – без замка возвращаться домой мне нельзя.

Под пальцами расплзалась вязкая жижа, сплошь и рядом попадались комки торфа, полусгнившие листья и коряги, осклизлые сгустки болотных водорослей. Твердого дна не было совсем. Оказалось, что вода жутко холодная (не знаю – почему, ведь в речке она была намного теплее), и скоро пальцы у меня заоченели, впрочем, как и вся рука по самое плечо. Чтобы достать хоть немного глубже, я нагибался лицом к самой воде, черной и вонючей. От моих манипуляций из воды пробулькивали крупные пузыри, приходилось шуриться, чтобы уберечь глаза от грязных брызг. Руку ломало, а когда я вынимал ее, она не хотела отогреться. Я попробовал работать левой рукой, но это было неудобно. Солнце опустилось совсем низко, однако ситуацию это уже не меняло – делать то, что я делал, можно было с тем же успехом и в кромешную полночь.

Конечно, я понимал, что никакого здравого смысла в этой работе нету. И я не смог бы делать ее на глазах у других, даже близких мне людей. Но просто уйти я тоже не мог. Лодка тихонько дрейфовала, периодически я передвигал ее, ухватившись за траву на берегу или оттолкнувшись от него веслом. Так прошло примерно полчаса. В какой-то момент я почувствовал – все, больше нет сил, пора прекращать это самоистязание. И еще какое-то чувство... То, что я сейчас напишу, будет только близко к смыслу, но не сам смысл. Вроде бы я сам себе мысленно совершенно спокойно сказал: «Ну что, теперь ты понял, что так делать нехорошо?».

Меня колотило крупной дрожью. Не знаю, что было «нехорошо»... Я опустил в воду совсем уже онемевшую руку максимально глубоко и нащупал замок. Когда я вытащил его, то разглядел, что ключ прицеплен к дужке колечком из толстой рыболовной лески. Ни радости, ни облегчения я не почувствовал. Внутри все было таким, как и снаружи – грязным, вонючим и жутко холодным. Я выплыл в речку, разделся и как мог отмыл себя в почти что теплой воде.

Потом я добрался к своим, показал им замок и соврал, что нашел его на берегу. Найти его в воде было нельзя, ведь я даже приблизительно не знал, где нужно искать. При этом вероятность того, что пацаны его унесли, или просто забросили куда подальше, была близка к 100 процентам.

То, о чем написано выше, я мысленно вижу как на экране с хорошим разрешением. В памяти сохранились и другие ощущения – холод в руке от ледяной воды, боль под мышкой от впившегося борта лодки, резь в глазах, которые нечем промыть или протереть, болотная вонь от всплывающих и лопающихся пузырей... Но также и неожиданное ощущение металлической тяжести в ладони, когда я еще не вынул из воды замок, но уже понял, что он есть. Видимо, нет у всего этого срока давности.

Впрочем, не знаю... Как мы возвращались домой, как я крепил лодку цепью к столбу, как отдавал ключ хозяину – так и не могу вспомнить, хотя пытался не раз. Правда, прошло с тех пор уже довольно много времени, почти сорок лет...

Август 2004 г.

Это речка Турия, здесь она именно такая, какой я ее помню с детства. И лодка-плоскодонка такая же. Вот только увидеть новенькую церковь на берегу в то время было нельзя, она, видимо, построена совсем недавно. Фотографию я взял с сайта <http://uanew.narod.ru/newss1.files/atlasukr.htm>

* * *

По моим сегодняшним представлениям, мы все вместе очень сильно напрягли ситуацию, настойчиво выпрашивая лодку у скупого хозяина. Чтобы убрать избыточный потенциал, равновесные силы поступили простейшим образом – болезненно «щелкнули по носу». Пропала не лодка, которую, в принципе, можно было бы вернуть с помощью внутреннего намерения (например, заказать новую; это обошлось бы дорого, но было вполне осуществимо). Пропал замок, вернуть который было нельзя ни за какие деньги, т.е. был он, по сути, бесценным. В этом случае внутреннее намерение было бессильно. Это первая часть этой истории.

Во второй части мне все-таки удалось получить замок с ключом обратно. Именно получить, а не найти, т.к. найти их в этих условиях было нельзя. Правда, сначала мы (я – в особенности) попытались искать пропажу на берегу, но вскоре стало ясно, что это бессмысленно. Чтобы «отключить» здравый смысл, мне пришлось уединиться, иначе ничего бы не вышло. Но этого было недостаточно, следовало еще добиться единства разума и души (или сознания и подсознания). Получилось это инстинктивно – они оба были едины в намерении вернуть потерянное, причем, если разум даже не помогал душе, то и не мешал ей, т.к. перед этим использовал свой шанс без остатка и безрезультатно. Прекрасно понимая, что замка нет и не будет (но, тем не менее, жизнь продолжается – не топиться же из-за пропажи), ум не мешал «переставлять ноги» в направлении цели, т.е. не мешал телу шарить окоченевшей рукой в болотной тине. А может быть он и помогал тоже, ведь ему-то как раз было предельно ясно – возвращаться домой без замка нельзя. Просто нельзя, и все.

Ноябрь 2007 года